

ШЕПОТ КОРНЕЙ

Анжела Абдуризакова

Анжела Абдуризакова

Шёпот корней

«Автор»

2026

Абдуризакова А.

Шёпот корней / А. Абдуризакова — «Автор», 2026

Чёрная сакура на горе Хэйдан сто тридцать лет спала, скованная древним обрядом, но теперь пробуждается — и долина Уцуми оказывается на грани катастрофы. Хару, правнук одного из тех, кто когда-то запечатал границу между мирами, чувствует, как меняется мир: река течёт вверх, мох становится голубым, а в снах шепчут тени. Вместе с хранителем Сэйдзи и другими, кто слышит зов дерева — девочкой Мией, слепым ткачом Тэцу, терзаемым виной Дайки, — он должен встать на пути пробуждения. Им предстоит сделать мучительный выбор: отдать самое дорогое, чтобы спасти родной край. Но хватит ли четырёх отказов, чтобы навек закрыть границу, или тьма всё же прорвётся в мир?

© Абдуризакова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРЕД БУРЕЙ	6
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЕС ПРИЗРАКОВ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анжела Абдуризакова

Шёпот корней

Роман

Посвящается всем, кто однажды остановился перед черным деревом и не решился сорвать цветок.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕРЕД БУРЕЙ

Глава 1. Легенда

Говорят, что на восточном склоне горы Хэйдан стоит храм, который старше самой горы. Никто не знает, кто его построил. Никто не помнит имени божества, которому он был посвящён. Но каждый ребёнок в долине Уцуми знает легенду о чёрной сакуре — её рассказывают на ночь, как сказку, чтобы дети не уходили далеко в лес.

«Когда зацветёт черная сакура, — шепчет бабушка, — двери между мирами откроются. Духи хлынут, как вода через проломленную плотину. Они не злые и не добрые — они просто другие. И от их присутствия мир людей рассыплется, как сухой лист в кулаке.»

Дети слушают, прижимаются к теплым бокам, верят и не верят. Сказка как сказка. У каждой долины есть своя страшная история про лес, про гору, про храм. В одной — дракон спит под каменным мостом; в другой — призренная женщина заманивает путников в туман; в третьей — дерево, на котором растут глаза.

Но история о чёрной сакуре отличается от прочих легенд одним свойством: она повторяется. Раз в сто лет — с точностью, от которой холодеет в животе даже у самых закоренелых скептиков.

Семьсот лет назад — первый раз. Монах из монастыря Сёко записал в своём дневнике: «На пятнадцатый день третьей луны сакура у храма зацвела чёрным цветом. Лепестки были как обугленные. Запах стоял сладкий, тошнотворный. В ту ночь трое жителей деревни исчезли, а четверо сошли с ума. Мы совершили обряд очищения на рассвете. Лепестки облетели, и всё прекратилось. Но я видел: на коре дерева проступили новые борозды, будто корни шевелились под землёй.»

Шестьсот лет назад — второй раз. Летопись клана Уцуми сообщает кратко: «Чёрный цвет на храмовой сакуре. Духи бушевали три ночи. Потеряно семнадцать душ. Остановлено старцем Рюдзином, ушедшим в горы и не вернувшимся.»

Пятьсот, четыреста, триста, двести, сто лет — снова и снова, как часы, которые никто не заводил, но они тикают. Каждый раз — погибшие. Каждый раз — кто-то отправлялся к храму, чтобы совершить обряд, задобрить или запечатать границу миров. Каждый раз — не все возвращались.

И вот теперь — снова сто лет.

В долине Уцуми давно уже не верят в сказки. Радио ловит три станции, по дороге дважды в день ходит автобус до города Мориока, в школе есть интернет. Старый храм на горе Хэйдан зарос мхом и плющом, туда ходят иногда подростки на спор — пугают друг друга, фотографируют обвалившуюся крышу, смеются.

Но в этом году весна пришла странная. Снег сошёл на две недели раньше. Грачи прилетели и сразу улетели обратно. Земля в огородах потекла ручьями грязи, и ночью, если выйти на крыльцо и прислушаться, из-за горы доносился низкий гул — будто кто-то натягивал толстую струну, но не мог довести до звука.

Старая Тиэ, которой было девяносто три и которая помнила последний раз — сто лет назад, когда ей было всего семь, — позвала внучку и сказала:

— Юки. Иди к храму.

— Бабушка, ты что?

— Иди. Ты видишь духов с детства. Другого проводника у них не будет.

— У кого — у них?

Но старая Тиэ уже закрыла глаза и больше не открыла их.

Юки похоронила бабушку под цветущей яблоней, у изгороди, за которой начинался лес. Потом стояла и смотрела на гору. Гора стояла серая, затянутая туманом, который в этот раз не рассеивался к полудню. И Юки — впервые в жизни — испугалась того, что видела: по склону, едва заметные, ползли тени. Не деревья. Не звери. Тени, которые двигались против ветра.

Она кивнула, будто бабушка мог видеть её кивок, и пошла собираться.

В ту же ночь, за триста ри от долины Уцуми, в портовом городе Сакаи, человек по имени Кэн сидел в дешёвой гостинице и смотрел на свои руки. Руки были в шрамах — тонкие, белёсые, они бежали от запястий к локтям, как ручейки по карте. Он знал каждый шрам, каждый мог рассказать, когда и как был получен, но не рассказывал. Давно уже.

На столе перед ним лежал свёрток — мешковина, грубая верёвка. Внутри — деревянный меч. Тренировочный, из красного дуба, с потёртой рукоятью. Меч принадлежал не ему.

Кэн закрыл глаза, и сразу — как всегда, как каждую ночь — увидел лицо. Круглое, с широким лбом и чуть приоткрытым ртом, будто Такуму вечно хотел что-то сказать и не успевал. Он не успел. Копьё вошло под ключицу и вышло между лопаток, и Такума посмотрел на Кэна — удивлённо, почти обиженно, — и упал.

Это было четыре года назад. Война закончилась. Все вернулись — кроме Такумы.

Кэн не вернулся. Он физически был здесь, в гостинице, в Сакаи, но что-то — какая-то часть его, может, самая важная, — осталось на том поле, рядом с телом друга, под дождём.

Он пытался жить. Работал грузчиком в порту, потом охранником на складе, потом — когда шрамы перестали скрывать — просто бродил, перебиваясь случайными заработками. Пил. Не спал. Когда закрывал глаза, слышал голос Такумы: «Кэн, ты мне должен — после войны я тебя научу кататься на лошади, помнишь? Ты обещал.»

Кэн помнил. Он не умел ездить верхом. Такуме это казалось смешным — как можно вырасти в деревне и не уметь ездить на лошади? Он обещал научить. Не успел.

Однажды, в таверне, старый слепой нищий — Кэн подал ему монету — вдруг схватил его за запястье и сказал:

— Ты ищешь мёртвого среди живых. Иди к горе Хэйдан. Когда зацветёт чёрная сакура, граница откроется. Ты сможешь перейти.

— Перейти? Куда?

— Туда, где он теперь.

Кэн вырвал руку и ушёл. Но слово «Хэйдан» застряло в голове, как заноза. Он стал спрашивать. Вскоре выяснил, что легенда известна — но говорят о ней шёпотом, неохотно. Каждые сто лет чёрная сакура цветёт. Дверь между мирами приоткрывается. Те, кто знает обряд, могут пройти — туда и, если повезёт, обратно.

Туда — где мёртвые.

Кэн купил карту, собрал вещи и поехал на запад.

Саюри было сорок семь лет, но выглядела она на тридцать. Это была не заслуга генетики — это была работа. Ежедневный ритуал: отвар из тридцати трёх трав, медитация на рассвете, игольчатый массаж, специальные дыхательные упражнения, диета из риса, морских водорослей и изредка — крови молодого козлёнка, которую она пила тёплой, морщась, но без жалости к себе.

Она была алхимиком. Не в западном смысле слова — не химик, не фармацевт, не аптекар. В старом смысле: ученица традиции, которая ищет способ победить смерть. Её наставница, старая Мэй, умерла сто двенадцати лет от роду — умерла не от старости, а от несчастного случая, сорвавшись со скалы. Последние слова Мэй были: «Я не успела. Ты успеешь.»

Саюри успела узнать многое. Она знала, что человеческое тело можно обновлять — заменять ткани, как детали механизма. Знала, что в крови молодого козлёнка есть нечто, что замедляет увядание. Знала, что иглы, поставленные в правильные точки, могут на время остановить

старение клеток. Но «на время» — это не «навсегда». Она старела. Медленно, незаметно для других, но она чувствовала: суставы по утрам стали тяжелее, кожа на шее — тоньше, волосы — хотя она красила их хной — седели у корней быстрее.

Она читала трактат «О чёрном цветении», найденный в архиве монастыря Энряку. Трактат был написан более пятисот лет назад и описывал обряд, который можно совершить в момент чёрного цветения: если выпить настой из чёрных лепестков сакуры и произнести определённые слова, дух мира мёртвых дарует пьющему вечную молодость — не иллюзию, не замедление старения, а истинное бессмертие. Тело перестаёт меняться. Клетки забывают, что должны умирать.

Трактат предупреждал: цена — «одна душа за каждую отнятую у смерти». Саюри прочитала это и перечитала, пытаясь понять: чья душа? Своего? Чужого? Духа? Но текст был обрывочен, и толкование оставалось открытым.

Ей было всё равно. Она готова была заплатить. Саюри собрала травы, иглы, три флакона отвара, книгу с обрядом — и отправилась к горе Хэйдан.

Рэн не помнил, что случилось с ним три года назад.

Он помнил всё до — до того дня. Помнил школу, учителей, лицо матери, запах риса на кухне, голос отца, который читал ему на ночь «Сказку о бамбуковом cutter». Помнил, как вырос, как стал работать в магазине отца — продавал рис, соль, чай, масло. Помнил, как женился на Аяке, как родился сын — Сора.

А потом — провал. Белая, глухая стена. Ничего.

Очнулся он в больнице. Сказали — упал с крыши. Две недели без сознания. Жена — рядом, плачет. Мать — рядом, молчит, сжимает губы. Сын — дома, у соседей.

Он вернулся домой. Всё было как прежде — но не он. Нечто в нём изменилось. Он не мог спать: как только закрывал глаза — обрывки: крик, огонь, чьи-то руки, кто-то бежит, кто-то лежит. Он не мог есть: еда казалась ему пеплом. Он не мог смотреть на сына: мальчик спрашивал «папа, что с тобой?», и Рэн не мог ответить, потому что не знал.

Жена сказала: «Ты изменился. Ты не тот человек, за которого я выходила.»

Он хотел ответить: «Я и сам не знаю, кто я теперь.» Но промолчал.

Потом — ночами — началось. Он просыпался в холодном поту с одним словом на губах: «Хэйдан.» Он не знал, что это значит. Стал искать. Нашёл легенду о чёрной сакуре. Нашёл упоминание об обряде: можно стереть память, отдать её корням дерева. Корни выпьют всё — как воду из земли — и голова станет чистой, как белый лист. Можно начать заново.

Рэн собрал рюкзак. Оставил записку: «Я вернусь, когда стану собой. Или когда стану никем — но, по крайней мере, перестану быть этим.» Ушёл на рассвете.

Глава 2. Пепел Кэна

Дорога от Сакаи до долины Уцуми занимала семь дней верхом — если ехать. Кэн не мог позволить себе лошадь. Он шёл пешком, ночевал на постоянных дворах, когда были деньги, а когда не было — под деревьями, в придорожных рощах, смечая кошму и положив под голову свёрток с деревянным мечом.

Меч Такумы. Кэн нёс его, как другие носят реликвии — бережно, не разворачивая. Дерево было гладким от многолетнего пользования; Такума тренировался с этим мечом каждый день, с шести лет, пока не ушёл на войну. Меч помнил форму его ладони. Кэн иногда, ночью, прикладывал рукоять к своей ладони — пальцы не совпадали. У Такумы были длинные, тонкие пальцы, как у музыканта. У Кэна — узловатые, грубые.

На третий день пути Кэн остановился в деревне Такахаси — у самого подножия гор, где начинался старый тракт. В деревенской таверне он спросил о дороге к Хэйдану.

Хозяин — толстый, краснощёкий мужчина с бельмом на левом глазу — посмотрел на него долгим, нехорошим взглядом.

— К храму? Зачем тебе туда?

— Хочу посмотреть.

— Не ходи. Странные там вещи. Я сам не был, но отец рассказывал: сто лет назад пошёл к храму — когда сакура зацвела чёрным — и не вернулся. Один из десяти вернулся. И тот молчал до конца жизни.

— Я всё равно пойду.

Хозяин вздохнул, налил ему сакэ — бесплатно, что было неслыханно.

— Дорога идёт через перевал Кири, потом вниз, в долину Уцуми. Там спроси старую Тиэ — она всё знает. Но... слышал, она померла.

— А кто ещё знает?

— Внучка. Юки. Она... не совсем обычная девка. Видит то, чего другие не видят.

Кэн кивнул. Он допил сакэ, поблагодарил и вышел.

У таверны, на завалинке, сидел мальчишка лет десяти — немой, как выяснилось: он тыкал пальцем в сторону гор и качал головой. Потом, когда Кэн уже собрался уходить, мальчишка схватил его за рукав и что-то зашептал — без слов, одни звуки, но Кэн неожиданно понял: «Они ждут. Они голодные.»

Он высвободил рукав и зашагал прочь. За спиной мальчишка продолжал шептать, но Кэн не обернулся.

На перевал Кири он вышел к вечеру. Туман стоял стеной — не белый, не серый, а какой-то желтоватый, как старая бумага. Солнце повисло в нём мутным пятном, без лучей. Было тихо — ни птиц, ни насекомых, ни ветра. Только под ногами хрустел гравий.

Кэн остановился и прислушался. Из тумана — снизу, из долины — доносился гул. Низкий, ровный, на грани слышимости. Как будто земля гудела.

«Корни», — подумал он. Не зная, откуда взялось это слово. «Корни шевелятся.»

Он спустился в туман.

В долине было теплее, но странно — теплая сырость, как в парной. Трава стояла по колено, мокрая, тяжёлая. По дороге, кроме Кэна, не было ни души. Дома в деревне Уцуми — он нашёл её к ночи — стояли тёмные, с закрытыми ставнями. Только в одном окне горел свет.

Он постучал. Дверь открыла молодая женщина — невысокая, в простом платье, с короткими, не по обычаю стриженными волосами. Лицо было узкое, светлое, с тёмными, слишком большими глазами.

— Юки?

— Да. Ты — Кэн?

— Откуда ты знаешь?

— Бабушка сказала, что придёт человек с шрамами. Она умерла, но успела сказать.

Кэн перестал удивляться. За последние дни он привык к тому, что мир вокруг горы Хэйдан живёт по другим правилам.

— Войди. Поешь. Завтра поговорим.

Она впустила его. В доме было чисто, бедно, пахло рисом и чайным листом. На алтаре в углу стояла фотография старухи — морщинистое, как печёное яблоко, лицо, и глаза — такие же, как у Юки: большие, тёмные, видящие.

— Ты видишь духов, — сказал Кэн. Не спросил — сказал.

— Вижу. С детства. Бабушка тоже видела. Она говорила, что это дар. Я думала — проклятие.

— А теперь?

— Теперь не знаю. — Юки поставила перед ним миску с рисом и миску с солёными овощами. — Ешь. Ты худой, как смерть.

Кэн ел молча. Рис был пресный, но голод брал своё. Юки села напротив и смотрела — не жадно, а внимательно, как врач на больного.

— Ты идёшь к храму, чтобы вернуть друга, — сказала она.

Кэн перестал жевать.

— Откуда ты...

— Бабушка сказала: «Придёт человек, который несёт чужой меч и чужую смерть. Он хочет перейти границу. Он не вернётся — если будет один.»

— Я не один. Ты идёшь со мной.

— Иду. Но я — проводник, не спутник. Я доведу до храма и вернусь. Мне туда нельзя. Я вижу духов — но я не могу войти в их мир. Кто входит — теряется.

— Тогда зачем идти?

— Потому что если никто не пойдёт, граница раскроется, и духи хлынут сюда. В долину. К людям. — Она помолчала. — Бабушка говорила, что обряд запечатывания должен совершить человек, который знает, чего хочет. Не тот, кто боится. Не тот, кто сомневается. А тот, кто идёт до конца.

Кэн усмехнулся. «Тот, кто идёт до конца» — это, конечно, не он. Он идёт не для того, чтобы запечатать границу, а для того, чтобы открыть её — для себя. Чтобы найти Такуму. Чтобы вернуть.

— Я не тот, кто тебе нужен, — сказал он.

— Может быть. Но ты — один из тех, кто придёт. Бабушка говорила: «Их будет несколько. Каждый со своей целью. Каждый — со своей ложью. Но вместе — может быть — они справятся.»

— А если нет?

— Тогда через сто лет зацветёт новая сакура. На пепелище.

Глава 3. Саюри и часы

Саюри приехала в долину Уцуми на следующий день после Кэна. Она приехала на лошади — невысокой, выносливой, купленной в городке Маэбаси за немалые деньги. На лошади — две сумки: одна с одеждой, другая с травами, иглами, склянками и книгой. Книга была обернута в промасленную ткань и перевязана шёлковой лентой — Саюри обращалась с ней, как с младенцем.

Юки встретила её у моста — стояла и ждала, будто знала, что именно этот человек придет именно сейчас.

— Саюри-сан?

— Ты Юки. — Саюри легко спешила. Для своих лет — а ей было сорок семь — она двигалась с удивительной лёгкостью, но Юки, которая видела больше, чем другие, заметила: левая нога чуть подволакивается. Саюри прятала это, но не от Юки.

— Проходи. Кэн уже здесь.

— Кэн?

— Один из... нас. Он пришёл вчера.

Саюри вошла в дом, оценила обстановку: бедно, но чисто. Алтарь. Фотография старухи. Запах чая. Она села на предложенное место, достала из сумки маленький свёрток — рисовые шарики с травами — и стала есть медленно, аккуратно, пережёвывая каждый кусок по тридцать раз. Кэн, который сидел в углу и точил нож, наблюдал за ней.

— Ты алхимик, — сказал он. Не спросил.

— В каком-то смысле. — Саюри не подняла глаз. — А ты — солдат.

— Был.

— Раны не заросли.

Кэн посмотрел на свои руки — на шрамы — и спрятал их под стол.

— Ты идёшь за чем-то, — продолжила Саюри. — Все мы идём за чем-то. Но я не буду спрашивать. Ты не спрашивай меня.

— Я и не собирался.

Они сидели друг напротив друга, как два зверя, приноживающихся через реку. Юки наблюдала с порога. Потом сказала:

— Бабушка говорила, что нас будет несколько. Трое или четверо. Ещё не все пришли.

Кэн и Саюри посмотрели на неё — одновременно, одинаково. Юки пожала плечами.

— Я просто передаю.

Рэн пришёл на третий день. Он не шёл — он брёл, еле переставляя ноги, с глазами, в которых не было ничего, как в двух колодцах, высохших до глины. Рюкзак висел на одном плече, рукав куртки — оторван, на коленях — грязь.

Юки нашла его у реки — он сидел на камне и смотрел в воду, не двигаясь. Она подошла тихо, села рядом. Он не обернулся.

— Рэн?

— Да.

— Ты третий.

— Третий? — Он наконец повернул голову. Лицо было молодое — лет тридцати — но постаревшее, осунувшееся. Под глазами — тёмные круги, губы обветрены.

— Бабушка говорила, что будет трое. Ты — третий.

Рэн не спросил, кто бабушка, кто остальные, куда он попал. Он просто кивнул. Он давно перестал задавать вопросы — потому что ответы, которые получал, были хуже вопросов.

В доме Юки он поел — мало, безвкусно, морщась. Саюри смотрела на него с профессиональным интересом — она видела, что человек нездоров, но не так, как бывают нездоровы от простуды или ран. Это было что-то внутреннее — как будто внутри Рэна что-то сгнило и отравляло его изнутри.

— Что с тобой? — спросила она.

— Не помню, — ответил он. — В этом и проблема.

Кэн, который лежал на циновке и делал вид, что спит, повернулся и посмотрел на Рэна. Узнал что-то — не лицо, не голос, а выражение: пустота за глазами, бездонная, голодная. Он видел такое у солдат, которые вернулись не с войны, а из ада. Которые были там, куда никто не должен попадать, и не смогли вернуться обратно.

— Ты был на войне? — спросил Кэн.

— Нет. Я... не знаю. Не помню.

— Что помнишь?

— Рис. Запах риса. Отец за прилавком. Мать на кухне. Жена... — он запнулся. — Жена. Сын. Потом — ничего. Стена.

Кэн молча кивнул. Он понимал, что такое стена — у него самого была стена, только у него перед стеной стоял Такуму, а за стеной — пустота.

Юки собрала их вчетвером — себя, Кэна, Саюри и Рэна — в горнице, на закате. В окно было видно, как туман над горой сгустился, потемнел, стал почти чёрным. Гул, который всё это время стоял на грани слышимости, стал отчётливее — как будто кто-то бил в огромный барабан под землёй.

— Через три дня, — сказала Юки. — Цветение начнётся через три дня. Я чувствую.

— Откуда ты знаешь? — спросила Саюри.

— Корни. Они говорят со мной. Не словами — образами. Я вижу: чёрные бутоны, плотные, как уголь. Они набухают. Через три дня они лопнут.

Кэн посмотрел на Саюри. Саюри посмотрела на Рэна. Рэн смотрел в стену.

— Бабушка говорила, — продолжила Юки, — что обряд запечатывания требует четырёх. Четверо идут к храму. Четверо проходят через лес. Четверо стоят перед деревом. Но запечатывает — один. Тот, кто отказывается от своего желания. Отказывается добровольно, без принуждения. Отдаёт корням то, ради чего пришёл, и закрывает границу.

— А остальные? — спросил Кэн.

— Остальные... — Юки замолчала. — Бабушка не говорила. Или говорила, но я не помню. Она умерла слишком рано.

Тишина. В очаге трещали дрова. Снаружи гул стал громче.

— Иными словами, — сказала Саюри ровным голосом, — один из нас должен пожертвовать своим желанием. А трое — получают, что хотят?

— Или наоборот, — сказала Юки. — Один спасёт мир, а трое — потеряются.

— Хорошая сделка, — сказал Кэн.

Рэн промолчал. Он единственный не задал ни одного вопроса.

Глава 4. Рэн, который забыл

Той ночью Рэн не спал. Он сидел на крыльце, укутавшись в одеяло, и смотрел на гору. Туман подсвечивался изнутри — слабым, зеленоватым светом, как будто под ним тлели фосфоресцирующие грибы.

— Не спишь? — Юки вышла с двумя чашками чая.

— Не сплю уже три года.

— Совсем?

— Совсем.

Она села рядом, дала ему чашку. Он обхватил её обеими руками — пальцы дрожали.

— Бабушка говорила, что память — это не шкаф, из которого можно вытащить вещь и положить обратно. Память — это дерево. Корни уходят глубоко. Если срубить ствол, корни остаются — и пускают новые побеги. Но побеги будут другие. Не те, что были.

— Мне не нужны побеги, — сказал Рэн. — Мне нужна пустота. Чистая, белая. Чтобы начать заново.

— Заново — с кем? Ты помнишь: у тебя жена. Сын.

— Помню. До — помню. После — нет. И то, что я помню — до, — этого больше нет. Тот Рэн, который продавал рис и читал сыну сказки, — мёртв. Я — кто-то другой. Кто-то, кого я не знаю. И этот кто-то... — он замолчал.

— Что?

— Этот кто-то — страшный. Я чувствую. Внутри — что-то, что я не могу увидеть, что-то, что прячется за стеной. И оно... злое. Я не хочу его видеть. Если корни заберут память — заберут и это. Всё.

Юки молчала. Она видела — своими глазами, которые видели духов — что вокруг Рэна клубилась тень. Не его тень — чужая, густая, как дёготь. Она не сказала ему. Не сейчас.

— А если корни заберут не только злое, но и доброе? — спросила она. — Жену. Сына. Рис. Сказки на ночь. Запах дома. Всё — без разбору?

— Пусть. Я не смогу быть для них тем, кем был. Лучше — чистый лист. Пусть они начнут без меня. Или я — без них.

— Ты готов?

— Готов.

Юки не стала спорить. Она видела: он действительно готов. И это было страшнее всего. На следующее утро пришёл четвёртый.

Его звали Горо. Он был огромен — выше Кэна на голову, шире в плечах вдвое. Лицо — обветренное, тёмное, с глубокими морщинами, хотя ему не было и сорока. Он носил монашеское одеяние — серое, выцветшее, с капюшоном — но под ним угадывались доспехи: нагрудник, наручи. На поясе — настоящая катана, не деревянная.

— Горо-сан, — сказала Юки, и в её голосе было удивление. — Бабушка не говорила о четвёртом.

— Бабушка не знала обо мне, — ответил Горо. Голос был низкий, хриплый, как у человека, который мало разговаривает. — Меня послал монастырь Сёко.

Кэн поднял голову.

— Сёко? Тот самый, что...

— Тот самый. Монах, который семьсот лет назад записал первое цветение. Монастырь помнит. Мы — хранители. Каждые сто лет мы посылаем человека. Иногда — двоих. В этот раз — я.

— И зачем ты идёшь? — спросила Саюри.

— Запечатать границу. — Горо посмотрел на каждого по очереди. — Это единственная цель. Остальное — соблазн. Если кто-то из вас идёт за другим — я не могу запретить. Но предупреждаю: дерево даёт, но берёт больше. Каждый, кто приходил к нему с желанием, получал — и платил. Иногда — собой. Иногда — теми, кого любил.

Кэн и Саюри переглянулись. Рэн смотрел в пол.

— Четверо, — сказала Юки. — Бабушка говорила — четверо. Мы в сборе.

— Пятеро, — поправил Горо. — Ты идёшь с нами. Проводник.

— Я не войду в храм.

— Проводник — не вход, — сказал Горо. — Проводник — путь. Без пути мы не дойдём.

Юки замолчала. Потом кивнула.

— Выходим на рассвете.

Глава 5. Зов горы Хэйдан

Рассвет не наступил. Вместо него — серая, ватная полутьма, из которой гора вырисовывалась не сразу, а по частям: сначала — основание, пологое, поросшее бамбуком; потом — середина, крутая, с выходами серого камня; наконец — вершина, скрытая туманом, который сиял теперь не зелёным, а тёмно-фиолетовым, как синяк.

Пятеро вышли из дома Юки. Юки — первой, в простом платье и сандалиях, с котомкой за спиной. Кэн — за ней, с деревянным мечом на поясе и ножом в рукаве. Саюри — третья, на лошади, со своими сумками. Рэн — четвёртый, молча, без оружия, с пустыми руками. Горо — последним, тяжёлый, неотвратимый, как скала.

Деревня была пуста. Ставни закрыты, дым из труб не идёт. На дороге — ни следов, ни людей. Только собака, привязанная у калитки, выла — низко, надрывно, не переставая.

— Они чувствуют, — сказала Юки. — Животные всегда чувствуют первыми.

Тропа в гору начиналась за деревней — узкая, заросшая, идущая вверх через бамбук. Бамбук был странный: стволы — толщиной в руку, но не зелёные, а тёмные, почти чёрные, с красноватым отливом. Листья — мелкие, скрученные, беззвучные: ни шороха, ни шёпота, будто воздух стал густым и тяжёлым.

Кэн шёл за Юки и смотрел на её затылок. Короткие волосы, тонкая шея, лопатки, проступающие сквозь ткань платья. Он думал о Такуме — о том, как шёл за ним в строю, глядя в затылок. Такума был на полголовы выше, и Кэн видел только тёмные волосы и обтянутый воротником загривок. Это была последняя картина — перед тем, как копьё вошло под ключицу.

— Кэн, — сказала Юки, не оборачиваясь. — Не думай о нём. Здесь — не думай о мёртвых.

— Почему?

— Потому что здесь мёртвые слышат.

Кэн споткнулся. Бамбук сомкнулся над головой — тёмный, глухой. Тропа вела вверх.

Через час подъёма бамбук кончился. Начался лес — настоящий, но тоже не обычный. Деревья были огромные, старые — кедры, дубы, каштаны, — но кора на них была не серой и не коричневой, а белой, как кость. Листья — тёмно-зелёные, почти чёрные на просвет. Мох на камнях — не зелёный, а голубой, светящийся.

Горо остановился.

— Здесь начинается владение лесного духа. — Он достал из-за пазухи полоску бумаги — оберег, с начертанными знаками — и прикрепил к нагруднику. — Не сворачивайте с тропы. Не отвечайте, если позовут по имени. Не смотрите в глаза.

— Кому — в глаза? — спросила Саюри.

— Кому бы ни предложили.

Лес стоял плотной стеной, но тропа была чистой — кто-то ходил по ней, кто-то поддерживал. Юки шла уверенно: она была здесь, в этих окрестностях, и раньше — в детстве, с бабушкой. Но дальше определённого места она не заходила.

— Вон там, — она указала вперёд, — ручей. За ручьём — Старый лес. Там бабушка останавливалась. Дальше — не ходила.

— А мы пойдём, — сказал Горо.

Ручей был узкий, но глубокий — чёрная вода, беззвучная, с берегами, покрытыми голубым мхом. Моста не было: только камни, выступающие из воды, мокрые, скользкие. Юки перешла первой, легко, как кошка. Кэн — за ней, тяжело, балансируя. Саюри — на лошади, и лошадь переступала осторожно, фыркая и прядя ушами. Рэн — вполголоса, без выражения. Горо — последним, и под его весом камни вздрагивали.

На другом берегу — тишина. Другая тишина: не отсутствие звука, а присутствие чего-то, что звук поглощает. Слова, сказанные шёпотом, гасли в воздухе, не долетая до ушей.

Старый лес был другим. Деревья — те же породы, но другие: выше, толще, старше. Стволы — не белые, а серебристые, с прожилками, пульсирующими слабым, ритмичным светом. Корни — огромные, вылезавшие из земли, как спины китов, переплетённые, образующие стены, проходы, коридоры. Тропа вела через эти коридоры — вниз, в ложбину, где стоял туман — густой, пахнущий сладко и приторно, как гниющие цветы.

— Чувствуете? — прошептала Юки. — Запах. Это запах цветения. Чёрные бутоны уже раскрылись — или раскрываются. Мы чувствуем его отсюда.

Кэн почувствовал: тошнота, дурнота, и одновременно — тяга, необъяснимая, тянущая вперёд, как магнит. Запах был отвратителен и притягателен — как запах гари, от которого нельзя отвести глаз.

Горо достал из сумки маски — белые, марлевые, пропитанные чем-то едким. Раздал всем. Кэн надел неохотно — дышать стало легче, но запах не ушёл, просто стал глуше.

— До храма — полдня пути, — сказал Горо. — Дойдём к закату. Не останавливаемся. Не разговариваем. Не оборачиваемся.

— Почему не оборачиваться? — спросил Рэн. Это были его первые слова за весь день.

— Потому что за нами идут.

Глава 6. Сбор на распутье

Они шли три часа без остановки. Тропа вела вниз, всё глубже в ложбину, и лес вокруг менялся — медленно, но неотвратно. Серебристые стволы потемнели. Светящиеся прожилки

стали красными — пульсирующими, как вены. Корни поднялись выше, образуя стены, в которых темнели провалы — норы, лазы, ведущие в темноту. Из этих провалов тянуло холодом и запахом — не сладким, как от цветения, а кислым, затхлым, как из склепа.

Юки шла первой, но медленно — она видела то, чего другие не видели: тени. Тени стояли вдоль тропы, между корнями, в провалах. Они были похожи на людей — но не совсем: слишком длинные, слишком тонкие, с головами, наклонёнными под невозможным углом. Они не двигались. Только смотрели.

Юки не смотрела на них. Она смотрела под ноги — на тропу, на корни, на мох. Но видела — краем глаза, периферией. Их было всё больше. Сначала — один или два. Потом — пять, десять. К середине спуска — десятки: строй, толпа, безмолвная, ждущая.

— Сколько? — спросил Горо, который шёл за ней и по её напряжённой спине понимал, что происходит.

— Много, — ответила Юка. — Они ждут. Они... голодные. Я чувствую. Это не злость. Это голод.

— Они не могут войти на тропу?

— Пока — нет. Тропа защищена. Но когда цветение начнётся...

— Тогда защита падёт.

— Да.

Кэн, который шёл за Юки, услышал — и сжал рукоять деревянного меча. Меч Такумы. Бессмысленный, нелепый — дерево против духов. Но он держал его, как держат крест: не потому, что помогает, а потому, что без него — пусто.

На привале — единственном, который позволил Горо, пять минут, не больше — Саюри под села к Рэну. Он сидел на корне, обхватив колени, и молчал.

— Рэн.

— Что.

— Я могу помочь. На время. Иглы, отвар — это не уберёт то, что за стеной, но приглушит. Ты сможешь спать.

Рэн поднял на неё глаза. Пустые, тёмные.

— Зачем?

— Потому что ты разваливаешься. И мы все зависим от того, выдержишь ли ты.

— Я выдержу.

— Ты не спишь три года. Твоё тело — как дом, из которого вынесли мебель. Дверь открыта, и ветер гуляет. Ты развалишься в храме — и потянешь всех.

Рэн помолчал.

— Делай.

Саюри достала из сумки кожаный свёрток, разложила — иглы, тонкие, серебряные, в ряд. Взяла его за запястье — рука была холодная, влажная. Она нащупала точки — на запястье, за ушами, на шее — и вколола иглы. Рэн вздрогнул, но не от боли — от ощущения: что-то тёплое, мягкое, растеклось от игл, как тёплая вода, и впервые за три года — впервые! — что-то отступило. Тьма за стеной — отступила на полшага.

Он закрыл глаза. И — впервые за три года — уснул.

Саюри сидела рядом, придерживая иглы, и смотрела на его лицо. Во сне он был другим — моложе, спокойнее. Тень, которая клубилась вокруг него, отхлынула, но не ушла — замерла, как зверь, выжидающий.

Горо подошёл, посмотрел.

— Хорошая работа.

— Я алхимик. Это — ремесло.

— Нет. Это — больше. — Горо сел рядом. — Я хочу спросить.

— Спрашивай.

— Ты идёшь за бессмертием?

Саюри не ответила. Она убирала иглы — медленно, аккуратно.

— Я вижу твою сумку, — продолжил Горо. — Травы, отвара, книга. Я вижу, как ты двигаешься — ты боишься старения. Каждый день, каждое утро, ты смотришь на руки и ищешь новые морщины.

— Ты монах. Ты должен уметь не задавать вопросов.

— Я не монах. Я — хранитель. Разница: монах молится. Хранитель — действует. — Горо помолчал. — Бессмертие — не дар. Это — проклятие. Я видел записи тех, кто пробовал. Все — погибли. Или — хуже.

— Хуже — как?

— Один прожил ещё сто лет. Тело — не старело. Но внутри — разум — сгнил. Он забыл, кто он. Забыл, зачем жил. Стал — как дерево: стоит, дышит, не двигается. Духи взяли его разум — как плату за тело.

Саюри убрала последнюю иглу. Рэн спал, дыша ровно, тихо.

— Я знаю о цене, — сказала она. — И я готова её заплатить.

— Ты готова потерять разум?

— Я готова не стареть. А разум... — она усмехнулась. — Я и так не знаю, зачем мне он.

Горо покачал головой.

— Ты не понимаешь. Духи берут не разум. Они берут — смысл. Ты перестаёшь хотеть. Перестаёшь любить. Перестаёшь чувствовать. Тело — вечно. Внутри — пусто. Как дом, из которого вынесли мебель и заколотили окна.

Саюри посмотрела на него — впервые, прямо.

— А ты? Ты идёшь — запечатать. Ты отдаёшь — что?

Горо не ответил. Он встал, поправил меч и пошёл к голове колонны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЕС ПРИЗРАКОВ

Глава 7. Первые шаги

Они вышли на опушку к вечеру — хотя в лесу нельзя было сказать, какое время суток: туман стоял ровный, без изменений, и свет — серый, рассеянный — не имел источника. Но внутреннее чувство, врождённый, не подвластный туману ритм тела говорил: вечер. Скоро — ночь. А ночью в Старом лесу будет другое.

Храм открылся внезапно — как картина, на которую выходишь из-за угла. Тропа сделала поворот, корни раздались в стороны, и — вот он.

Он был не велик. Не мал — но и не велик. Длинное, приземистое здание из тёмного дерева, с крышей, просевшей под тяжестью мха и времени. Ступени — каменные, стёртые, с трещинами, в которых стояла чёрная вода. Ворота — двустворчатые, открытые: створки висели на ржавых петлях, одна — прямо, другая — криво, накренившись. За воротами — двор, заросший, с каменными фонарями, накренившимися, как пьяные.

И посреди двора — сакура.

Она была огромна. Ствол — в три обхвата, тёмный, почти чёрный, с корой, которая не была похожа на кору дерева: скорее — на кожу, грубую, морщинистую, с глубокими бороздами, из которых сочилась — не смола, что-то иное, жидкое, с блеском, как лак. Ветви — раскидистые, тяжёлые, изогнутые, как руки, протянутые в разные стороны. И на ветвях — бутоны.

Чёрные. Плотные. Как уголь. Как обсидиан. Как закрытые глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.